

СОБРАТЕЛНО СЕМЬИНО.

акт № 1

ФРОНТОВИК СТРЕЛЯЕТ НАПОВАЛ

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Кроме того, в деревне и т... пор еще гневят
значительные кадры уголовных преступников - скотоконокр...
бывших и др. отбывавших нака...

Попаданчество

Юрий Корчевский

Фронтовик стреляет наповал

«Феникс»

2016

Корчевский Ю. Г.

Фронтвик стреляет наповал / Ю. Г. Корчевский — «Феникс»,
2016 — (Попаданчество)

ISBN 978-5-222-39480-9

НОВЫЙ убойный боевик от автора бестселлера «Фронтвик. Без пощады!». Новые расследования операфронтвика по прозвищу Стрелок. Вернувшись домой после Победы, бывший войсковой разведчик объявляет войну бандитам и убийцам. Он всегда стреляет на поражение. Он «мочит» урок без угрызений совести. Он сражается против уголовников, как против гитлеровцев на фронте, – без пощады, без срока давности, без дурацкого «милосердия». Это наш «самый гуманный суд» дает за ограбление всего 3 года, за изнасилование – 5 лет, за убийство – от 3 до 10. А у ФРОНТОВИКА один закон: «Собакам – собачья смерть!» Его крупнокалиберный лендлизовский «Кольт» не знает промаха! Его надежный «Наган» не дает осечек! Его наградной ТТ бьет наповал!

ISBN 978-5-222-39480-9

© Корчевский Ю. Г., 2016

© Феникс, 2016

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юрий Корчевский

Фронтвик стреляет наповал

Глава 1

Новое место службы

Андрей прослужил в знаменитом МУРе год. От более опытных оперативников, следователей, экспертов, «топтунов» поднабрался опыта. «По фене ботал» не хуже уголовников, становился личностью, известной как в милицейской среде, так и среди уголовников. После уничтожения авторитетного медвежатника, потрошителя сейфов Федьки-Одноглазого, в уголовном мире получил прозвище Стрелок. Узнал об этом случайно на допросе одного из задержанных грабителей. Побаиваться встречи с ним преступники всех мастей стали. Вмиг усвоили, что при сопротивлении Андрей не цацкался, стрелял на поражение. И ведь не подкапашься. Преступник первым огонь открыл или с ножом на него бросился, зачастую и свидетели были. Самозащита при исполнении служебного долга. Начальство журило, а наказывать не могли, все по закону.

Начальство, следуя укоренившемуся мнению, навязанному сверху, считало уголовников классово близкими – оступился пролетарий, с кем не бывает? Выпил лишку после зарплаты, драка, поножовщина. Так для становления на верный путь есть исправительно-трудовые лагеря. Исправится зэк во время отсидки и будет строить светлое будущее. Врагами народа считали политических, кто хоть слово сказал о перекосах в политике партии.

Тем и сроки по 58-й статье давали серьезные – от 10 до 25 лет, а то и без права переписки, что означало расстрел.

Андрей же был другого мнения. На фронте разведчиком был, а вернувшись, по комсомольскому набору в милицию попал. Полагал – разгромили настоящего врага, сильного, жестокого – гитлеровскую Германию. После войны жить лучше станет. Не сразу, это понятно. Страна огромные потери в людях понесла, дома разрушены, заводы. Восстановить надо, напрячься. Трудно люди жили. А после войны – амнистия по случаю Победы. Политические в лагерях остались, сроки досиживать. Надо же великие стройки завершать. Государству выгодно – бесплатная рабочая сила. А вот урки на свободу вышли. Грабили, воровали, насиловали и убивали.

Гуляй, рванина! А чего не гулять, если закон защищал только государство? За кражу государственного имущества срок по статье светил от 7 до 10 лет, а за кражу личного имущества – 6 месяцев, если с насилием в отношении потерпевших – до 3 лет. За изнасилование – до 5 лет, за умышленное убийство – от 3 до 10 лет.

Андрей работал «на земле», на низших должностях – постовым, опером, немало повидал потерпевших. Пусть бы руководство посмотрело в глаза учительнице, с которой зимой бандиты сняли единственное пальто, чтобы продать на барахолке и пропить выручку. Или девушке, девочке почти, которую группой в парке изнасиловали, приставив к шее нож. Или утешили бы старушку, у которой выхватили из рук сумочку, в которой лежала только что полученная скромная пенсия. Высоко начальство сидит, им не видно.

Потому Андрей считал уголовников врагами. Нет у них самолетов и танков, как у немцев. Но чем нож, топор, пистолет лучше? Натерпелся народ на фронте и в тылу за годы войны, да и до войны жили скромно. Вздохнуть бы полной грудью, наестся вдоволь, башмаки новые купить. А тут амнистия, уголовники. Ненавидел он их люто. И действовал, как командир взвода учил.

– Увидел врага – убей, если в плен взять не можешь. Раненого добей, не то в спину выстрелит.

Кто лейтенанта слушал, в живых остались, Андрей в том числе. И ножом часовых снимал, и из автомата, гранаты в траншеи немецкие бросал. И ни разу угрызений совести не чувствовал. Немцы – враги. Они в наш дом пришли, на нашу землю. И в мирное послевоенное время так же действовал. Рецидивиста не исправишь, и чем дольше он в лагере сидеть будет, тем легче простому труженику дышать будет.

На службе тяжело было, но успехи делал. Были ошибки, промахи, но по большей части все дела удачно завершал. Начальство хвалило, сослуживцы уважали, а это не одно и то же. Опера – мужики серьезные, жесткие, их доверие и уважение гладкими речами не заработаешь. А когда за спинами товарищей от бандитской пули не прячешься, первым на захват бандита поднимаешься, то и отношение другое. Как на войне – трудно первому из окопа под ливень пуль встать. Но вставали же! А за первым поднимались другие, только вторым и последующим всегда легче.

Хуже было на личном фронте. После маскарада, когда Валя, девушка Андрея, увидела его в неприглядном виде – небритого, в телогрейке, пахнущего водкой и луком, отношения разладились. Андрей пытался объясниться, но Валя бросала трубку телефона. А когда он дождался вечером ее у подъезда, не стала слушать и прошла мимо, не останавливаясь, гордо дернув плечиком. Андрея сначала злость взяла, обида.

Девушка не хочет его выслушать, понять, что он тогда задание выполнял по захвату убийц и грабителей, в засаде был. Не в милицейской же форме ему сидеть было.

Поостыв, размышлять стал, а любила ли Валя его? Милые бранятся – только тешатся, поговорка известная. Но мирятся же потом. А Валя никаких попыток сблизиться, хотя бы поговорить, не предпринимала. Какое-то время мучился, немного похудел, осунулся. Но через время постарался выбросить ее из головы. Только сердце не всегда подчиняется голове. Вспоминал девушку, особенно когда в метро или на улице видел похожую.

Но вот папа Вали, полковник милиции из городского управления, мстить по-мелкому стал.

Сначала Андрей думал – случайность. За захват банды грабителей всех участников группы отметили. Кого премией, кого грамотой, а Андрея обошли, вроде как и не было его. Потом проверки пошли. Известное дело, проверяющий всегда найдет, к чему придраться. То бумаги ненадлежащим образом оформлены, то на стрельбах давно не был. Замечания стал получать, хотя до выговоров еще не дошло.

Арапов, непосредственный начальник его, человек аналитического ума, ситуацию просек, заметил:

- Андрей, ты кому на ногу наступил или дорогу перешел из начальства?
- Вроде никому.
- А ты припомни. Посмотри, сколько раз за последний год тебя проверяли?
- Не меня одного, весь отдел.
- А замечания получал ты один. У других сотрудников промахов и недостатков не меньше. Надо искать, откуда ветер дует.

Вечером Андрей размышлять стал. Если завистники и были, то не среди оперов. Когда «на земле» работаешь, то не до зависти. Одну лямку тянут, одинаково рискуют, не положением, здоровьем, а жизнью. Да и проверки выездные опера организовать не в состоянии, должность не та. Стало быть – сверху указания идут. А наверху из лично знакомых только Валин отец и есть. Арапову на следующий день о том сказал, оставшись наедине.

- Скверно. Будет гнобить, пока из органов с дискредитирующей записью не выгонит.
- Написать заявление и самому уйти?

– У тебя профессия в руках есть? Может быть, ты хороший каменщик или геодезист? Ты умеешь только преступников ловить. И, заметь, у тебя это неплохо получается. Ты же прирожденный опер.

– Тогда не пойму я вас.

– Андрей, ты меня удивляешь! Проще простого. Тебе в областное управление перейти надо.

– Выгоняете, значит!

– Вот дурак, прости господи!

Арапов взял папки с делами, вышел. Оставшись один, Андрей поразмышлял. Похоже, Арапов дело говорит. Областное управление в городе, а область уже за окраиной города начинается. Преступников не только в Москве полно, но и в области. Тем более многие города подмосковные почти с Москвой слились.

Несколько дней сильно занят был, к тетке в комнатку едва живой от усталости приходил. А через неделю пришел на службу, в кабинете вместе с Араповым незнакомый мужчина сидит. Андрей сразу просек – опер. Взгляд оценивающий, в кармане пиджака пистолет угадывается, потому как топорщится. Поздоровался Андрей, уселся за свой стол. Мало ли кто к Арапову ходит? У Владимира в знакомцах едва не половина сотрудников городской милиции, поскольку он личность известная.

– Знакомьтесь, – предложил Арапов. – Андрей Михайлович Фролов, а это Николай Иванович Феклистов, начальник уголовного розыска из Балашихи.

Мужчины пожали друг другу руки. Андрей понял, что Арапов не просто так их знакомил. Арапов извинился, вышел. Феклистов приступил к делу сразу, не теряя времени:

– Я о тебе слышан, считай – знаком заочно. Это ничего, что я на «ты»?

– Конечно.

– Предложение у меня есть. Переходи ко мне в отдел, в Балашиху.

Ох Арапов, хитрый лис! Перевод из МУРа в Балашиху вроде как понижение, хотя должности одинаковы, как и денежное довольствие. Уровень ниже, масштаб не тот, зато и тень полковника за Андреем стоять не будет. Но Балашиха хоть и недалеко от Москвы, электричкой четверть часа добираться, а неудобно, учитывая, что рабочий день не нормирован. На проишествие могут ночью вызвать или, наоборот, освободиться может поздно. Как до комнаты тетки добраться?

Феклистов как будто мысли Андрея прочитал.

– С жильем помогу, комнату в милицейском общежитии выделим. Невелика, зато сам хозяин. И от райотдела недалеко, удобно.

Внутренне Андрей к такому повороту событий был готов, потому с ответом долго не тянул.

– Согласен. Только с переводом как быть?

– Беру на себя. Ты заявление сейчас напиши, а дальше мое дело.

Андрей взял лист бумаги, написал заявление. Феклистов прочитал, помахал бумагой, чтобы чернила подсохли.

– Ну, бывай, побегу в управление. Если выгорит, оповещу.

Феклистов ушел. Буквально через минуту вошел Арапов.

– Сговорились?

– Заявление написал, а получится или нет, вилами на воде писано.

– Феклистов – мужик пробивной, настырный. С тобой расставаться жаль. Сработались.

– Не моя прихоть.

Арапов нагрузил Андрея заданиями. Пока еще приказ о переводе будет, если будет. А начальство спрашивать будет уже сегодня. К удивлению Андрея, приказ был готов уже через неделю. Пришел на службу, а в коридоре его Феклистов ждет.

– Держи! Зайди в кадры, оружие сдай, с бегунком день убьешь. А завтра в Балашихе жду. Поворот в судьбе ожидаемый, но все равно как-то не по себе. Новое место службы, другие условия, сослуживцы. День пролетел в беготне и суматохе, но к концу дня все сделать успел. Попрощался тепло с Араповым, все-таки хороший он мужик, помог с этим Феклистовым. Сам Андрей тянул бы еще резину. Втайне надеялся, что полковник уже в возрасте, на пенсию по выслуге лет уйдет, гнобить перестанет.

С утра на Курский вокзал и на электричку. Народа не так много, мест свободных полно. В Москву утром электрички шли битком набитые. Столица – город огромный, предприятий, заводов, магазинов полно, и везде рабочие руки нужны.

А Балашиха – город районный, хотя и там предприятий хватает, в 1939 году построены два авиазавода по выпуску комплектующих к самолетам, кислородный завод, две хлопкопрядильные фабрики, завод «Автогенстрой».

Расположен город удобно, железнодорожные ветки через него идут на Горький, проходят шоссе – Горьковское, Щелковское и Энтузиастов. Для преступников удобно. Ограбил или обокрал в Москве – и в любую сторону езжай.

Отдел милиции в двухэтажном здании помещался, угол здания на втором этаже уголовный розыск занимал.

Феклистов Андрея сотрудникам представил, потом начальнику милиции. Затем в кадры провел, в оружейку.

– Что брать будешь? – спросил сержант.

В открытом сейфе видны ряды револьверов «наган», несколько «ТТ». Андрей «ТТ» хотел взять, знаком с ним, но самовзвода нет. Увидел рядом незнакомую рукоять.

– А это что?

– «Кольт». По ленд-лизу получен.

– Можно посмотреть?

Во время войны по ленд-лизу из Англии, Америки поступало вооружение – танки, самолеты. Для экипажей вместе с ними шли кожаные куртки, пистолеты. Сразу после войны из армии нештатное оружие списали, передали в милицию, ВОХР, связистам, инкассаторам и прочим службам. Андрей сам видел у инкассаторов «Вальтер Р-38», а у почтовиков пистолеты «маузер». Трофейное оружие тоже использовалось.

Повертел незнакомый пистолет в руках Андрей.

Тяжеловат, самовзвода, как и у «ТТ», нет, но калибр большой, к тому же магазин всего шесть патронов вмещает.

– А патроны к нему есть?

– Вон цинк в углу лежит, а пистолет один только, не берет никто.

– Я возьму.

Почему на американца позарился, сам не понял. То ли потому, что американская тушенка или консервированная колбаса еще на фронте по вкусу пришлись, то ли из-за ботинок, что на рынках продавались с рук. Подошва толстая, не промокают, сносу нет.

Феклистов выбор Андрея не оценил.

– Здоров больно. В кармане выделяться будет. Пойдешь в общежитие, только я в кадры на минутку заскочу, ордер на вселение возьму.

Общежитие милицейское недалеко оказалось. С одной стороны, удобно, до службы пять минут ходьбы. А с другой – под рукой он все время, на ночные происшествия его первого вспомнят.

Комнатка небольшая, но такая же была у тетки, где они вдвоем жили. В комнатке стул колченогий, шкаф и кровать железная.

– Стола не хватает, коменданту скажу, пусть организует. Без стола ни покушать, ни документы написать.

Только в здание милиции вошли, дежурный кричит:

– Николай Иванович! На Леоновском кладбище труп нашли! Прокуратура уже выехала.

– Кричать-то зачем? Труп уже никуда не денется.

На кладбище выехали на мотоцикле с коляской, трофеем «Цундапе». За рулем сам Феклистов, в коляске Андрей устроился. Только к службе приступил, а уже на выезд.

Кладбище старым оказалось, на некоторых могилах кресты от времени покосились, полустиертые надписи с датой смерти еще дореволюционные. Феклистов увидел на боковой аллее немецкий «Опель-кадет», свернул туда. Недалеко от машины у одной из могил стояли трое мужчин, туда оперативники направились.

– Кого я вижу! Петр Федотыч, сто лет, сто зим не виделись!

Феклистов поздоровался за руку с мужчинами.

– Горазд ты врать, Николай Иванович! Три дня назад в прокуратуре. А это кто с тобой?

– Новый оперативник, Андрей Михайлович Фролов, в МУРе служил.

– Вот, полюбуйся. Два ножевых ранения, судмедэксперт говорит – оба смертельные.

– Хочешь сказать – профессионал был?

– Не исключаю. После войны разведчики демобилизовались, диверсанты и прочий люд, кто хорошо холодным оружием владеет.

– Можно посмотреть? – выступил вперед Андрей.

– Гляди. За просмотр денег не берем, – хохотнул эксперт.

Судмедэксперты – народ циничный, трупов и крови не боятся. Но знатоки, следствию помогают. Одного взгляда Андрею хватило, чтобы понять – не бывший разведчик был. В разведке учили бить ножом или сверху, в надключичную ямку, или под левую лопатку, если часовой спиной к разведчику стоял, либо слева от грудины, на уровне ее середины.

А тут – два окровавленных пореза на одежде слева, под мышкой. При опущенной руке потерпевшего так не ударишь. Рука левая в момент удара вытянута была. О своих предположениях сказал сразу.

– Ты в разведке служил? – спросил прокурорский.

– Так точно, три года.

– Либо урка из «мясников», либо прошедший подготовку где-то в спецслужбах.

«Мясниками» называли жестоких убийц. Их не любили и побаивались сами эки. Обычно преступники не меняли свою «масть». Вор не шел на убийство, а разбойник не становился «щипачом».

– Феклистов, пусть твои сотрудники картотеку посмотрят. Может, по амнистии кто-то вышел подходящий.

– Сделаю. Вокруг смотрели?

– Не успели еще.

– Андрей, давай посмотрим.

Убийца вполне мог выкинуть нож как улику. Если выбрасывали, то, как правило, недалеко. Нож в крови, в карман не сунешь, выпачкаешься. И в руке нести нельзя, прохожие заметят. Стали вокруг трупа расширяющейся спиралью ходить. Повезло Феклистову.

– Есть! И поосторожнее, след свежий.

К Феклистову приблизился криминалист, потом жиденько развел гипс, вылил в отпечаток. След был относительно свежий, не больше часа-полтора ему, отпечаток от солдатских сапог. По такому обнаружить убийцу сложно, половина мужчин в СССР такие носит. Потом эксперт тоже сфотографировал, положив рядом линейку. Подошли другие члены группы. Нож, не поднимая, осмотрели. Андрей нож сразу опознал. Такие у финнов были.

– Видел на фронте у финнов такие.

– У солдат такие быть могли, что там воевали, – изрек прокурорский. – След тоже от сапога.

– И сапоги и финку на базаре купить можно, – возразил Феклистов.

Эксперт упаковал нож, уложил в чемоданчик.

– В отделе пальчики сниму, если рукоять не обтирали, завтра заключение получите.

Подъехала полуторка, труп погрузили в кузов. Судмедэксперт сказал:

– Причина смерти понятна. В морге труп осмотрю, если будут особые приметы, отзовусь.

Когда грузовик уехал, Феклистов бросил хмуро:

– Похоже – еще один висяк.

Висяками называли уголовные дела, которые расследовались медленно и в итоге отправлялись в архив по нерозыску преступника. Из улик только нож и след сапога. Да и то неизвестно, чей это след, может, и не убийцы вовсе. Проходил человек за десять минут до происшествия, могилку родственников посетить.

– Андрей, я в отдел, картотеку посмотреть. А ты по кладбищу походи, с людьми поговори, вдруг свидетелей найдешь.

Рабочий день, посетители на кладбище бывают или ближе к вечеру, после работы, или в воскресенье, в дни поминовения усопших. Разве сейчас найдешь свидетелей? Да еще кладбище старое, поросло кустами и деревьями. За десять метров через три могилки уже не видно ничего. Но Андрей не роптал, понимал – надо. Иной раз свидетель находился там, где не мог быть, – ночью, в глухом переулке. Не спалось дедушке, вот и сидел у окна. Но чтобы найти свидетеля, требовался иногда сизифов труд.

Прокурорский следователь и эксперты, а следом и Феклистов, уехали. Андрей добросовестно обошел кладбище Никого, кроме кладбищенского сторожа, да и тот никого не видел.

– У нас не военный объект, – ответил он на вопрос Андрея. – Я один, территория большая, входов три. Не видел никого.

Андрей в райотдел пошел. Феклистов и еще один оперативник, Тарасов Евгений, просматривали архивные дела, картотеку. Шансов было мало. Москва рядом, и убийца мог приехать оттуда или из любого другого соседнего города. Раздался звонок телефона. Феклистов снял трубку:

– Да, слушаю, начальник угро у аппарата.

Некоторое время он слушал, потом поблагодарил, положил трубку.

– Непонятки какие-то. Судмедэксперт вскрытие еще не делал, но тело убитого осмотрел, наш клиент. На руке наколка – «Не забуду мать родную», на груди – церковь с двумя куполами.

В уголовном мире все наколки делались не просто так, каждая татуировка имела значение. Два купола на храме означали две ходки на зону. Стало быть, уголовник.

– Это не главное, но существенное. На животе есть шрам от ранения, предположительно пятилетний. И зашивал его немецкий хирург.

Сведения важные. Если шили рану пять лет назад, то это был 43-й или 44-й год. Наших пленных немцы оперировали крайне редко, если он им был очень нужен. Уголовник – не командир высоких чинов. С чего бы это немцам проявлять такое милосердие?

Некоторое время все трое молчали, переваривая услышанное, анализируя.

– Тарасов, звони криминалисту, пусть сделает фото – анфас, профиль. Если купола, в архивах быть должно, запросим Москву.

– Я бы еще с соседями поговорил.

– Сам так думал. Но это когда фото будет и личность установим.

«Соседями» в уголовном розыске называли сотрудников Госбезопасности. Милиция входила в состав МГБ – Министерство государственной безопасности, иногда отделялась. «Соседи» называли милиционеров между собой более приниженно – «хомуты».

И Феклистов, и Андрей думали одинаково. Если рану шил немецкий хирург, то убитый был в плену или служил немцам. И сейчас с ним мог расправиться кто-то за старые грехи,

видевший убитого на службе немцам. Хотя Андрей сомневался. Человек гражданский или уголовник ножом бьет не так.

Уголовники в живот норовят. Такие ранения серьезные, жертва перед смертью мучается. Колотые раны грудной клетки или брюшной полости почти всегда кончаются летальным исходом в отличие от резаных. Эти кровят поначалу обильно, но к трагедии не приводят, за исключением ранения сонной артерии на шее. Профессионалов – разведчиков, диверсантов – учат ножевому бою в спецшколах, чтобы убить наверняка, с одного удара и беззвучно. Если жертва, тот же часовой, после первого удара не будет убит и сможет крикнуть или выстрелить, может сорваться операция. Стрельба же для разведчика во вражеском тылу – последнее дело, считай – сорвал задание. Да и немцы обнаруженной группе уйти не дадут, для этого у них егеря, фельдполиция, служебные собаки. Уж Андрей-то знал.

Когда Феклистов сказал о ранении и швах, сразу мысль мелькнула: нельзя сообщников исключать, что с ним знакомы были в годы войны. Своим предположением поделился с Феклистовым.

– Зыбко. Но если так, дело придется соседям отдавать. Впрочем, так даже лучше, чем за «висяк» на каждом совещании шею мылить будут. Ты есть хочешь?

– Хочу.

– Идем в столовую, пока Тарасов со снимками вернется, у нас полчаса свободных.

Когда Андрей работал в МУРе, сотрудники обедали в кафе напротив. Вкусно и вполне по зарплате. В столовой по соседству кормили неважно, а цены – как в московском кафе. На второе – серые, слипшиеся макароны, а котлеты, похоже, из одного хлеба, только запах мясной. Но чувство голода улеглось.

Вернулись в угро, а следом уже Тарасов, в руках еще влажноватые снимки держит. Лицо анфас и в профиль, обе татуировки.

– Надо к Петровичу ехать.

– Это кто такой?

– С тридцать второго года в милиции, за месяц до твоего прихода на пенсию вышел. Всех уголовников в городе и районе знал. Может, вспомнит.

– Наколки обычные. Храм, «Не забуду мать родную». У каждого второго сидельца такие.

– Лицо. Не исключено – встречался.

– Мне с тобой?

– Познакомлю, еще не раз обращаться придется.

В угро обращались друг к другу на «ты». На мотоцикле домчались до бывшего сотрудника быстро. Балашиха стала городом с 1939 года и население имела в 1948 году всего сорок тысяч. По сравнению с многомиллионной Москвой – дачный поселок. Петрович оказался дома, подрезал кусты в саду. Что еще делать пенсионеру осенью? Поздоровались, Феклистов представил Андрея.

– Наш новый опер, Андреем звать. Посмотри, Петрович, на эти снимки. Ты давно в органах. Не встречался?

– Погоди, очки надену.

Петрович задумался.

– Встречался я с ним. А вот когда и по какому поводу, не помню. Давно это было, перед войной, считай, лет десять прошло.

– Дело на него заводили? Так я в архиве посмотрю.

– Не помню. Сам знаешь, сколько людей за год проходит, а память-то уже не та. Посмотри дела за тридцать восьмой – тридцать девятый годы.

– Спасибо и на том. Как живешь-то, Петрович?

– Сам видишь, садом-огородом занимаюсь. Спокойно, но скучно. Зато по ночам сплю, никто не дергает. И еще. Ты бы, Николай, присмотрелся к сорок седьмому дому на Заречной.

– Есть какие-то подозрения?

– Сваха у меня напротив этого дома живет. Шастают туда по ночам. Не иначе – скупка краденого.

– За сигнал спасибо, присмотрюсь. Только раньше ничего такого не слышал.

– Вроде владелец у дома новый.

Информация в уголовный розыск стекалась из разных источников. Кто-то в трамвае случайно обмолвился или в пивной, бдительные граждане сигнализировали, агентура стучала. Без стукачей в уголовном розыске нельзя, блатные если узнают, информатора на ножи поставят. Преступник после удачного грабежа или кражи не удержится, обязательно на малине похвастается добычей. А как же – фарт! Вот стукачок в клюве оперу информацию принесет. Так, мол, и так, третьего дня Прохор-Хрипун в карты перстенок проиграл с тремя бриллиантами в ряд. В тысячу рубликов оценил и на кон поставил. А выиграл тот перстень Каркуша, гражданин начальник. Мне зачтется, могу идти?

По крупицам информация собиралась, копилась, а потом, как пазл, складывалась в общую картину.

По возвращении в отдел Феклистов вместе с Андреем сходил в подвал, где архивные дела хранились. Отобрали папки за 38-й и 39-й годы, еле в комнаты угро вдвоем донесли. От пыли и паутины оба чихали, как простуженные.

– Вот тебе фото трупa. Смотри дела, сличай. Но помни, десять лет прошло. Он мог выглядеть немного не так.

– Понял.

До самого позднего вечера Андрей листал дела. Фото разглядывал, читал про особые приметы. К десяти часам вечера голова кругом пошла, в глазах мошки.

– Все! Иду спать! – решил Андрей.

Хорошо бы поужинать, но столовая закрыта, а в его комнате даже сухарика не найдется. Подумал еще, надо купить что-нибудь, консервов или сухарей на такой случай. Утром встал рано, как привык. Сходил в столовую, позавтракал. Если на службу голодным идти, еще неизвестно, когда в следующий раз поесть удастся. Уселся за стол, до трех часов пополудни дела просматривал. Ничего похожего. Вздохнул, видимо – ошибся Петрович, сколько времени впустую ушло, как вода в песок. В два приема папки в подвал отнес. Когда на полки дощатые уложил, случайно зацепил другие. Несколько уголовных дел на бетонный пол упали. Одно дело раскрылось, а там! Андрей не поверил своим глазам, дело поднял, а на него фото убитого смотрит. Понятно – помоложе, морщин поменьше, волос побольше. Но сразу узнал. Дело взял, помчался по лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.